Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем

Из-за морюшка-моря да было синего,
Из-за полюшка-поля да было чистого,
Из-за камешка-камешка ґорючего
Да от той от вдовы да у Златыгорки
А родилсе у вдовы одинакой сын.
А ревёт он, ревёт да по-звериному,
А шипит он, шипит да по-змеиному,
А крычит он, крычит дак по-тотарьскому.
А начал ходить на улицю широкую;
А шутки шутил дак не хорошия:
А ухватит-де за руку — рука уж прочь,
А ухватит-де за ногу — нога уж прочь,
Посерёдки ухватит — да живота лишит.
Да рибята-ти звать стали «сколотныем».
Он приходит же да к своей матушки:
«Уж ты ой еси, мать моя родимая!
Ишше где же ведь мой-от как батюшко?» —
«Да батюшка уехал да за синё морё,
Да во тоё во славноё Черниґово!» —
«А ты спусти-тко, спусти искать уж батюшка!» —
«А батюшка твоёго живого нет!»
(А ребята всё ишше зовут «сколотныем»!)
«Ты спусти-тко, спусти меня искать батюшка
А во то же во славноё Черниґово
Да во далечо-далечо да во чисто полё!»
Говорила ёґо родима матушка:
«Как поедёшь во славноё Черниґово,
Как во далечо-далечо да во чисто полё —
А сретитсе тебе удалой молодець:
А конь где белой, да наубел весь бел,
А хвост-де, грива да научерн-черна,
Научерн-черна, да голова седа,
Голова-та седа, дак борода бела —

Слезывай с добра коня, бей цэлом о сыру землю
Да низко ему да ноньце кланейсе!»
Да поехал-де Сокольницок во чисто полё
Да во тоё же во славноё Чернигово.
А ездит-гулят дак по чисту полю:
А мечот он сабельку вострую
А повыше где лесу, да лесу темново,
А пониже-пониже облака ходечево,
А подхватыват сабельку едной рукой;
А мечет-де палицю буёвую
А повыше-повыше да лесу темноґо,
А пониже-пониже облака ходячоґо,
А под[х]ватыват палицю буйной ґоловой:
«А лёкко я владею да саблей острою,
А лёкко я владею паличей буёвою —
А так же владеть бы мне Ильей Муромцём!»
А видят из ґорода из Киева:
А ездит-гулят дак доброй молодець,
Ище ездит-гулят, дак потешаицьсе,
Небылыма словесами сам похваляицсэ.
«Да кому из нас, браццы, ехать по чисту полю?
Да хто такой ездит по чисту полю:
Да удалой ли ездит да доброй молодець,
Ли та полениця преудалая?
А поежджай-ко, Алешенька Попович-то!»
Говорыл-де Добрынюшка Микитич млад:
«Он силой не силён — да только напуском смел;
А погинёт-пропадёт да понапрасно он!» —
«Поежджай-ко, Добрынюша Микитич млад;
А сила не возьмёт — дак ты откланейсе!»
А поехал Добрынюша во чисто полё
Да узнать-де, узнать дак доброґо молоцца:
Он ездит-гулят дак по чисту полю,
Ище добрым конём он забавляицсэ.
А завидял Добрынюшка Микитиць млад
А того же удала да добра молоцца,
А не смел же, не смел дак с им уж съехатьсе —
А приежджаёт во славной во Киёв-град.
А спрашиват и стар казак Илья Муромец:

«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
Ище хто такой ездит-потешаицьсе?
А удалой ли ездит да доброй молодець
А-й та ли палениця зла уж преудалая?» —
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромець!
Ездит-гулят да доброй молодець,
Ездит-гулят дак потешаицьсе,
Небылыма словесами да похво[а]ляицьсе.
Ище мечот-де саблю да свою острую
А повыше где лесу, да лесу темного,
А пониже-пониже облака ходечеґо —
Да подхватыват сабельку единой рукой;
А мечот он палицю буёвую
А повыше-повыше лесу темноґо,
А пониже только облака ходечево —
А подхватыват палицю бу[й]ной головой:
«А лёкко я владаю саблю острую,
А лекко владаю палици буéвую —
А так же владать старым казаком да Ильей Муромьцём!»
А тут-де Илеюшки за беду стало,
За великую досаду да показалосе;
Росходилась-розґорелась ёґо ґоряча кровь,
Росходились у Илеюшки могучи плеча.
А седлал он, уздал да коничка бодрого,
Ище бодрого коничка белого —
И поехал Илеюшка во чисто полё.
А с товарышшами своима не прошшаицьсе:
Как на поли смерть дак ему не писана.
А направил коня на удала добра молоцца —
А ездит-гулят дак доброй молодець,
А быстро и шустро ездит по чисту полю.
А завидял Илеюшка Муромеч,
Що сильней-моґучей да доброй молодець —
Направил коня на доброґо молоцца.
А завидял-де Сокольничок да добра молоцца,
Що едет-держи́т дак прямо на еґо коня —
И направилсэ ехать на стара казака да на Илью Муромця.
А съехалсэ удалой да доброй молодець
Да ударились копьями да брусаменьскими —

Да вышиб Сокольничок-наезничок,
Да вышиб из седла из лошадиноґо
А стара казака да Илью Муромьця.
Ґоворыл где Илеюшка Муромець:
«Да какого оцьця да какой матушки?» —
«Я из-за моря, уж моря я дак синёго,
Из-за поля-де, поля я да чистого,
Из-за камеш[к]а-камешка ґорючеґо,
А от той от вдовы дак от Златыґорки!» —
«А куда же поехал, куда путь держишь?» —
«А я поехал-поехал искать уж батюшка!» —
«А маменька тибе разе не сказала же?» —
«А ходил я на улицю широкую,
А с малыма ребятами потешацьсе стал:
А ухвачу я за руку — рука уж прочь,
А ухва́чу я за ногу — нога уж прочь,
А рибята-ти стали звать меня „сколотныем”!
Я спрашивал у родимой своей матушки:
„Ишше где же мой родимой-от батюшко?”» —
«А уехал где батюшко во славно Черниґово».
«Я просилсэ уж ехать во чисто полё
Да натти бы, узнать дак родимого батюшка».
А сказала же мне дак родна матушка:
«Ты поедёшь-поедёшь да во чисто полё —
А устретицсэ удалой да доброй молодець:
А конь-от ведь бел, да наубел весь бел,
А хвост-от-де, ґрива да научерн-черна,
Научерн-о[т]-черна, да ґолова седа,
Ґолова-та седа, дак борода бела —
Бей ты целом дак о сыру землю!»
Ґоворил-де стар казак Илья Муромець:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодеч!
Я ведь тебе дак, видно, батюшко!
А поедём с тобой дак в стольне Киев-ґрад
А ко тому же ко князю да ко Владимеру
А узнать-показать тебя — доброґо молоцца!»
А ставаёт Сокольницёк и на резвы ноґи,
Поднимаёт он старого-то за руку.
А завидял Илеюшка злачан перстень,

А завидял Илеюшка хорошой крес:
«Ну верно, ты верно да мне — родимой сын!»
А садились они на коней бодрых-я,
А поехали они дак в стольней Киев-ґрад
Ко тому же ко князю да ко Владимеру.
А заходят ко князю да во светлу ґрыню,
А Ґосподу-ту Боґу моляцсэ,
А крест-от кладут да по-писаному,
А поклон-от ведут да по-учоному.
А кланелись Владимеру стольне-киевскому:
«Уж ты ой еси, Владимер да стольне-киевской!
Уж ездил я, гулял да во чисто полё,
А нашол где, нашол удала добра молоцца.
А жалаёт служить тибе силой-правдою.
А верно где, он мне-ка родной-от сын!»
А ставал же Владимер да на резвы ноґи,
А низко-де им дак он уж кланялсэ,
А просил покорно хлеба исть да соли кушати:
«Ему первоё место — подли миня,
А второё место — напротив миня,
А третьё где место: куды хошь, садись!»
А садилсэ Сокольницок среди лавици
Да напротив Владимера стольне-киевскоґо.
А сильни боґатыри стали собиратисе,
На такого человека да удивлятисе:
А очунь хорош да силой силён же,
А силён где, силён — сильне уж Ильи Муромца.
Наливаёт Владимер зелена вина,
Не большу где чарочку — полведра,
Принимаёт-де чару единой рукой,
Выпиваёт он чару — к едину духу.
Наливаёт он чарочку во второй након.
А перва-та чарочка — для здоровьича;
А втора-та чарочка — для смелости:
Щобы сьехацьсе с удалым добрым молочьчём,
Щобы съехацьсе с им — дак не розъехацьсе,
Не розъехацьсе с молоццом — посватацьсе,
Да посватацьсе с молоццом — побратацьсе!..

(Зап. А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. Ѧзаполё — от Ѧвдушева Якова Тихоновича, 63 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.